

УДК 81.42

DOI: 10.18384/2949-5008-2024-4-30-41

МЕТОД ТЕКСТУАЛЬНЫХ ГРУПП В АНАЛИЗЕ ТЕКСТУАЛЬНОСТИ «СНИЗУ»

Глазков А. В.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
119571, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 82, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Сформулировать понятие текстуальных групп и обосновать целесообразность применения метода текстуальных групп при анализе текстуальности «снизу».

Процедура и методы. Рассмотрены возможные подходы к анализу текстуальных отношений, выделены базовые категории текстуальности – порядок, когезия, когерентность. Предложено рассматривать в качестве инструмента анализа текстуальности произвольное множество предложений, названное текстуальной группой.

Результаты. Сформулировано определение текстуальной группы, разработана система типологии текстуальных групп.

Теоретическая и/или практическая значимость. Работа вносит вклад в разработку теории текстуальности и даёт алгоритм для анализа текстуальных отношений.

Ключевые слова: анализ текста, когезия, когерентность, лингвистика текста, порядок, ситуационность, текст, текстуальность

TEXTUAL GROUP METHOD IN THE BOTTOM-UP ANALYSIS OF TEXTUALITY

A. Glazkov

*The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
prosp. Vernadskogo 82, Moscow 119571, Russian Federation*

Abstract

Aim. To formulate the concept of textual groups and justify the feasibility of applying the textual group bottom-up method in the analysis of textuality.

Methodology. The article considers possible approaches to analysis of textual relations, it highlights basic categories of textuality – order, cohesion, coherence. It is proposed to consider as a tool for textual analysis an arbitrary set of sentences called the textual group.

Results. The article has formulated the textual group definition and developed a system of typology of textual groups.

Research implications. The work contributes to the development of the theory of textual relations and provides an algorithm for analyzing textual relations.

Keywords: text analysis, cohesion, coherence, text linguistics, order, situationality, text, textuality

Введение

Естественным требованием к анализу текста оказывается приложение системы инструментов к готовому, завершённому тексту. Идея целостности, завершённости лежит и в основе большинства определений текста. Однако реальность такова, что изучение отдельных категорий (прежде всего когезии и когерентности) проводится учёными на изолированных примерах и часто искусственных. Таковы исследования Р. Хасан и М. Халлидея [21], Т. Гивона [20], Э. Келера [23], П. Пагина [25], список можно продол-

жать. Возникает вопрос, на каком основании получаемые результаты можно экстраполировать на реальные тексты? Почему система работает, игнорируя условия завершённости текста?

Разрешение поставленных вопросов требует противопоставления категорий текста и текстуальности, а точнее, предположения, что категории текстуальности приложимы к некоторым языковым выражениям, отличным от текста. В нашей статье мы покажем, что базовые категории текстуальности, к которым отнесём порядок (линейность), когезию и когерентность, приложимы уже к произвольному набору предложений и являются необходимым условием существования текста, а поэтому «существуют» до него. Тем самым такой подход является подходом «снизу», не требующим существования в качестве предварительного условия готового текста, что должно быть выполнено при анализе «сверху». Для проведения такого анализа мы введём понятие текстуальной группы – множества предложений, к которому приложимы категории текстуальности.

Текстуальность как инструмент текстуального анализа

Текстуальность следует рассматривать не как категорию, а как семейство специфических категорий, применимых к анализу текста, при этом анализом текстуальности изучение текста не исчерпывается. Выделение категорий текстуальности реализует идею эмерджентного описания текста – такого, инструментарий которого составляют специфические категории, не использующиеся в описании языковых единиц других уровней. В этом случае одной из задач становится определение инвентаря языковых единиц, к которым текстуальность приложима.

Текстуальный анализ не относится к доминирующим в последнее время и явно уступает когнитивному подходу, т. к. «наметилась общая тенденция к изучению проблемы языка и мышления в рамках

когнитивной лингвистики»¹. Ещё в 2005 г. В. Е. Чернявская указывала, что текстуальный подход в большей степени характерен для западноевропейской лингвистики, в то время как в отечественной науке учёные ориентировались «на описание текстовых категорий и сопоставление текста с единицами более низких уровней языковой иерархии» [13, с. 78]. Автор заявила о новой исследовательской перспективе, где «в фокусе внимания оказывается когнитивная текстовая компетенция» [13, с. 81]. Такой поворот был крайне необходим для развития лингвистики текста. Действительно, появилось много новых интересных исследований, совершенно по-другому изучающих текст. Однако нельзя сказать, что изучение текстуальности, связанное с формально-логическим подходом к языку, полностью себя исчерпало. В последнее время и в отечественной лингвистике появляются работы, где в качестве объекта появляются категории текстуальности. Например, А. Р. Сушкова ставит важный вопрос о соизмеримости категорий текстуальности и категорий дискурса [11], Т. О. Борисова рассматривает приложимость категорий текстуальности к дискурсу компьютерных игр [3]. Исследование медиатекста потребовало введения новых категорий текстуальности в дополнение к имеющимся, что мы видим в работах А. Г. Пастухова [9]. М. И. Тарасов в своём исследовании нарратива [12] также предлагает введение набора категорий текстуальности, актуальных для нарративных текстов. Словом, изучение текстуальности остаётся одним из разделов науки о тексте.

Текстуальный анализ требует решения вопроса о минимальной единице такого анализа, т. е. нижней границе применения метода, и максимальной единице, для которой метод может быть применён.

Нижняя граница была определена пионерами текстуального анализа М. Халлидеем и Р. Хасан [21], которые в поворотной для лингвистики текста мо-

¹ Когнитивная лингвистика: учебник для вузов / под ред. С. М. Колесниковой. М.: Юрайт, 2022. С. 5.

нографии «Когезия в английском языке» противопоставили понятия структуры и текстуры, указав, что первое характеризует предложение, а второе текст. Благодаря структуре предложение представляет собой внутреннее единство (internal unit), предложение нельзя изменить, не сломав его структуры. Текст же, обладающий текстурой (текстуальностью), – более свободное образование. Он семантичен по своей природе, а его смысловое наполнение и семантическую непротиворечивость обеспечивает когезия – центральная, если не единственная категория в текстуре [21, р. 6–7; 16].

Утверждение, что текстуальность применима к единицам от двух предложений и выше, оптимально, особенно если речь идёт о письменном тексте, а лингвистика текста тяготеет именно к изучению письменного текста. Другим вариантом могло бы быть соединение пропозиций или клауз. Представление текста как системы пропозиций весьма заманчиво, но крайне неудобно для изучения по ряду причин, среди которых основная – это полипропозитивность практически любого предложения, причём выделение пропозиций из предложения – сложный и, главное, неоднозначный процесс. В результате технически следовало бы представить текст как множество выделенных пропозиций, гораздо более объёмное, чем множество предложений. Насколько нам известно, такой метод никем не применялся, хотя было бы интересно оценить его возможности. Но его трудоёмкость не сделала бы его эффективным.

Выделение клауз технически гораздо проще, но исследование тут же потребует либо отделения отношений между клаузами внутри предложений и между ними (акцент тут же перенесётся на предложения), либо отказа от противопоставления структуры и текстуры, что явно нерационально.

Авторы Грамматики-80 фактически нашли текстуальность уже в бессоюзии, обнаружив сходство между частями бессоюзного предложения и предложениями

текста в том, что они характеризуются «единством текстообразующей функции, т. е. совместным участием в образовании некоторой относительно законченной части текста и одинаковым отношением к этому образуемому ими целому» [10, с. 634]. Аналогичным образом строили свои исследования когерентности и авторы ключевых работ по лингвистике текста Т. Гивон, Э. Келер, П. Пагин, рассматривая когерентность как между предложениями, так и между клаузами. Однако отметим, что все названные авторы ограничились анализом небольшого количества предложений (обычно одного – двух), не распространяя выводы на больший объём.

Мы утверждаем, что оптимальной единицей, для которой целесообразно определять отношения в системе категорий текстуальности, оказывается предложение, а формальное отделение одного предложения от другого создаёт комфортные условия для исследования. В конце концов, это лишь некоторые аксиоматические условия.

Верхней границей текстуальности ожидаемо должен быть текст. И. Р. Гальперин в качестве одной из ключевых категорий выделил завершённость. Категория завершённости связана с идеей полного, окончательного воплощения авторского замысла в тексте. Исследователь особо подчёркивает два момента: во-первых, то, что завершённость приложима только к целому тексту, а не к его фрагменту; во-вторых, то, что она требует именно авторского ощущения завершённости, а не читательского [4, с. 131]. Значит, отличить текст от фрагмента можно только по авторскому чувству, что он завершён. Сама идея завершённости крайне существенна для любой языковой единицы, но она очень сложна для синтезируемых конструктов, таких, как предложение или текст. Почему текст имеет именно этот объём, а не больший и не меньший? Можно ли обойтись без авторского ощущения?

В.-Д. Краузе в своей системе категорий текстуальности тоже написал о завершённости, но определил её как «относительную завершённость» (*relative Abgeschlossenheit*)

[24, s. 53]. Относительность завершённости выражается в том, что любой текст можно продолжать бесконечно. Такая завершённости не касается авторского замысла, поскольку авторский замысел уже завершил текст. Продолжим некоторый текст до нового объёма, чтобы новый текст был завершённым. Можно вернуть всё к изначальному объёму, исключив часть текста. Значит, относительная завершённости позволяет как расширять, так и сокращать текст. И каждый вариант может быть относительно завершённым текстом. Тогда оказывается теоретически обоснованной возможность рассмотрения в качестве текста и таких конструкторов, которые не дописаны, которые как полноценные тексты не сохранились и т. д. Понятно, что до этого момента никто не сомневался, что так исследовать можно, но речь идёт о теоретической базе, поэтому строгость определения тут играет существенную роль.

Р. де Богранд и В. Дресслер [15] в число стандартов (или критериев, как они названы в немецком варианте работы, часто их называют категориями, что тоже верно) текстуальности завершённости не включили. Видимо, указание на завершённости было избыточным, потому что она сама собой выводится из чёткой установки на то, что вся система текстуальности из семи стандартов составляет необходимость существования готового, завершённого текста.

Вообще, завершённости далеко не всеми лингвистами признавалась в качестве обязательного атрибута текста. Так, один из виднейших теоретиков текста Я. Петёфи, определяя текст, писал: «Я использую термин текст для обозначения такого сохранённого на письме, на аудио- или видеоплёнке семиотического объекта, для которого хотя бы два носителя языка были согласны, что это текст» [26, s. 74]. Ни о какой завершённости нет и речи. Главное, чтобы была фиксация и чтобы были признаки коммуникативной единицы (отсюда **двое** носителей).

В современных исследованиях текста завершённости тоже не принадлежит к однозначно принимаемой категории тек-

стуальности. Описывая текстовую коммуникацию и апеллируя прежде всего к современной медиасреде, Х. Хаузендорф и др. [22] не соглашаются с выделением завершённости как самостоятельной категории и рассматривают вместо неё ограниченность (Begrenzbarkeit). Авторы рассматривают текст с позиций читателя, поэтому употребляют термин *читаемость* (Lesbarkeit) вместо термина *текстуальность*. Ограниченность возникает потому, что текст включается в те условия, в которых он существует как коммуникативная единица, и его трактовка происходит при учёте этих внешних условий в создающейся закрытой системе. Этот термин авторы соотносят с пониманием ситуационности в трактовке Р. де Богранда и В. Дресслера.

К. Адамчик указала на то, что завершённости представлялась одной из основных характеристик текста на заре лингвистики текста, однако переход в область изучения интертекстуальных связей и отношений пошатнул её значимость [14, s. 322].

Итак, завершённости едва ли следует рассматривать как универсальную характеристику текста. Но мы не стали бы предлагать полностью вычеркнуть её из параметров текста, потому что у автора и у читателя остаётся ощущение завершённости, о котором писал Гальперин. Просто существуют разные типы текстов. Для каких-то завершённости релевантна, а для каких-то – нет. И читатель в состоянии отличить один тип от другого, а поэтому сбрасывать со счетов этот параметр мы бы не стали. Дело в другом – лингвистика текста оказалась готова изучать как одни, так и другие тексты, и даже фрагменты текстов, и даже искусственные цепочки, которые и не задумываются как тексты вовсе.

Фрагмент текста – понятие, которое, насколько нам известно, не имеет определения. В общем можно сказать, что это любой участок текста, по той или иной причине изолированный от целого текста. Структурирование фрагментов текста нашло своё отражение в понятии сверхфрагзового единства, которое О. И. Москальская определила как «специальным образом

организованную, закрытую цепочку предложений, представляющую собой единое высказывание»¹. В известном смысле это понятие типологически схоже с понятием лексии в концепции Р. Барта [2]. Эта единица членения текста как объекта чтения (а текст Р. Барт связывал именно с процессом чтения [1]) представляет собой выделенный в тексте фрагмент, контактирующий с другими фрагментами и обеспечивающий множественность понимания текста. Лексия не существует вне текста, она не может быть рассмотрена как простое объединение предложений. Она единица анализа, а не единица синтеза.

К. Адамчик формулирует принцип рекурсии текста так: «Тексты могут вставляться в тексты» [14, с. 276]. Это позволяет ей говорить о части текста (или частичном тексте) – *Teiltext*.

Каждый из приведённых подходов к членности текста обнаруживает нечто общее, а именно – холический характер. В каждом случае постулируется наличие текста как целого, которое допускает выделение некоторых фрагментов внутри себя. Эти фрагменты могут быть изоморфны тексту (как в концепции К. Адамчик) или представлять собой особые структуры внутри текста, однако в любом случае постулируется наличие некоторого целого.

Но остаётся нерешённым вопрос, является ли текст пределом в применении методов текстуального анализа или существует возможность их распространения на структуры, превосходящие текст. В современных условиях гипертекстовой реальности ответ напрашивается сам собой: межтекстовые отношения представляют собой объект изучения лингвистики текста, а поэтому текстуальный анализ вполне допустим для изучения отношений между фрагментами различных текстов, между отдельными текстами.

Какие принципы анализа имеет текстуальный анализ? Во-первых, выделение чётких категорий позволяет строго формализовать исследование текста. Особенно это

касается трудно формализуемых категорий, таких, например, как когерентность, которую часто вообще рассматривают как свойство текста или дискурса, оставляя без должного изучения (принцип формализации). Во-вторых, это позволит провести анализ с помощью специфических категорий текстуальности в системе терминов, характерных только для текста (принцип эмерджентности). В-третьих, это позволит выделить уровни анализа так, чтобы решение задач одного уровня не пересекалось с решением задач других (принцип дискретности). В-четвёртых, появляется возможность проведения анализа «снизу», не учитывая, что анализируемые предложения входят в состав какого-либо текста (принцип восхождения).

Обоснование метода исследования

Пусть имеется некий произвольный набор из n предложений. Поставим перед собой задачу установить, способны ли предложения, входящие в такой набор, приобрести все или некоторые свойства текста при определённых условиях. Эта задача и будет задачей текстуального анализа. Чтобы её решить, ограничим набор категорий текстуальности до категорий порядка, когезии, когерентности. Такое ограничение имеет смысл, т. к. иные категории потребуют либо наличия текста (в таком случае невозможен анализ «снизу»), либо наличия субъектов текста – автора или адресата (читателя).

Назовём множество из двух и более предложений, которое рассматривается в системе категорий порядка, когезии, когерентности, **текстуальной группой** (ТГ).

Из определения выведем некоторые существенные следствия.

1. Текстуальная группа произвольна.

Текстуальная группа – это не какой-то фрагмент текста. Она может состоять из нескольких предложений одного текста, причём несущественно, как относительно друг друга они расположены, она может представлять собой фрагмент контактно расположенных предложений, сам текст,

¹ Москальская О. И. Грамматика текста: учебное пособие. М.: Высшая школа, 1981. С. 17.

отдельные предложения из разных текстов, разные тексты – что угодно, лишь бы она рассматривалась в системе выбранных категорий текстуальности.

2. Текстуальная группа – инструмент анализа. Её можно в таком случае сравнить с измерительным прибором, используемым для получения каких-либо значений.

3. Текстуальная группа недискурсивна. Отождествление понятий *текст* и *дискурс*, что имеет место в науке, не позволяет разделить исследование текста и дискурса, но рассмотрение текстуальной группы как множества предложений, обладающих некоторыми логическими связями, из которого выводятся лингвистические характеристики группы предложений, ставит её на позицию, позволяющую анализировать её отдельно от анализа дискурса.

Последнее следствие требует особого разъяснения. Пусть имеется текстуальная группа $\langle \Pi_1, \Pi_2, \dots, \Pi_n \rangle$, причём индексы не означают порядкового номера в текстуальной группе. В таком случае возможно $n!$ перестановок предложений в текстуальной группе. Для каждой такой перестановки можно установить наличие когезивных отношений между предложениями и наличие когерентных связей внутри текстуальной группы. Практически такая работа имеет смысл только при малых значениях n , т. к. уже ТГ из 5 предложений будет иметь $5! = 120$ перестановок. Однако сейчас мы хотим показать, что уже сама возможность проведения такого исследования полностью лишает каждую из $n!$ возможных групп интенциональности, а поэтому они оказываются исключительно в рамках лабораторного дискурса, не имеющего ничего общего с реальной коммуникацией. Суть анализа сводится к определению тех возможностей, которые предоставляет языковое выражение. Тем самым метод текстуальных групп следует отнести к группе методов логического анализа языка. Здесь может быть определено множество возможностей текстуальной группы до её погружения в дискурс, поэтому свойство «недискурсивности» можно назвать и «додискурсивностью».

Выделим три типа текстуальных групп, руководствуясь принципом дискретности.

1. Когерентные vs некогерентные ТГ.

Термин *когерентность*, пришедший в лингвистику текста из оптики, имеет не единственное понимание. С одной стороны, учёные говорят о когерентности дискурса как его свойстве, т. е. признаке, неотъемлемо принадлежащем дискурсу. При таком видении когерентность не нуждается в самостоятельном изучении, а дискурс изучается как изначально когерентный. С другой стороны, когерентность понимается как категория текстуальности, с помощью которой устанавливается наличие релевантности текста представляемой в нём реальности. Р. де Богранд и В. Дресслер в своём исследовании связывали это со «смысловой протяжённостью» (*Sinnkontinuität*) [15, s. 88] и формализовали когерентность на основании связи между собой понятий, выражаемых в предложении, и отношений между ними. М. Шароль, формулируя метаправила когерентности, высказал идею о логической непротиворечивости как её основе [17, s. 22] (см. также исследования Г. М. Костюшкиной [8], Н. Г. Елифанцевой, С. С. Еплова [7]).

Мы в настоящем исследовании придерживаемся логической точки зрения на когерентность и определяем её как категорию текстуальности, позволяющую рассматривать последовательность предложений с точки зрения её непротиворечивости. Основываясь на ситуационной семантике, мы утверждаем, что предложения когерентны, если существует основание для объединения их в одну ситуацию. Такое основание мы называем прагматическим дополнением – невыраженным содержательным компонентом, возникающим между предложениями (подробнее см. нашу статью [5]). Текстуальная группа когерентна, если между выражаемыми значениями не возникает противоречия. Покажем сказанное на примерах.

(1) /1/ *Дождь шёл всю неделю.* /2/ *В субботу на дачу не поехали.*

Поскольку «в основе формирования смысла сообщаемого, равно как и его понимания, находится вся совокупность знаний и представлений о мире, весь коллективный и индивидуальный опыт, накопленный человечеством»¹, реципиент обращается к этому опыту для установления связи между оказавшимися в одной группе предложениями. Предложения могут быть по смыслу связаны между собой прагматическим дополнением /а/ <В дождливую погоду на дачу ездят реже>, которое обеспечивает когерентность группы.

(2) *Дождь шёл всю неделю. Выходные прошли хорошо.*

Данная ТГ допускает несколько прагматических дополнений: /а/ к выходным дождь прекратился; /б/ дождь не помеха хорошо проведённым выходным; /в/ на самом деле выходные прошли плохо, потому что шёл дождь, а слово *хорошо* маркирует иронию. Какой бы вариант из трёх представленных (а возможно, существуют и другие) не был выбран, группа когерентна, т. к. не возникает логической несостыковки между выражаемыми в предложениях значениями. Значит, можно сказать, что ТГ когерентна, если существует хотя бы одно прагматическое дополнение, позволяющее выраженным ситуациям быть консистентным. Если такое прагматическое дополнение единственно, будем говорить, что имеет место сильная когерентность. В остальных случаях будем говорить, что имеет место слабая когерентность. Примером (2) была показана слабая когерентность. Очевидно стремление текста к сильной когерентности. Прагматическое дополнение – это своего рода додумывание, возможное выражение того, что не высказано буквально, но оно может быть высказано, если потребуется подтверждение того, что группа когерентна. Именно поэтому дополнение предложено называть прагматическим.

2. Связные vs несвязные ТГ.

Группа является связной, если в ней возникают стандартные когезивные отноше-

ния. Это относится ко всему инвентарю лексических и грамматических средств, которые могут быть использованы для выражения когезивных связей.

Идея отдельного рассмотрения когезии и когерентности в тексте не нова, она высказывалась Б. Зайдльхофер и Г. Уиддоусоном [27, s. 207], О. Дончевой-Навратиловой [18], другими исследователями. Однако формальные критерии этого разграничения требуют уточнения.

Суть когезии состоит в том, что происходит трансформация лексических и грамматических единиц в текстовые, за счёт чего текстуальная группа приобретает свойство связности. Покажем на тривиальном примере, что мы имеем в виду.

Пусть существует пара предложений.

(3) /1/ *Девочка позвала пса.* /2/ *Она дала животному корм.*

Основа когезии заключается не в том, что личное местоимение связывается со своим антецедентом, и не в том, что *пёс* и *животное* – это гипоним и гипероним. Каждый названный объект (*девочка*, *пёс*) может иметь множество номинаций, т. е. представляет собой парадигму возможностей, и какие-то члены этих парадигм выступают в разных предложениях и сочленяются синтагматически. Парадигма объекта *девочка* включает в себя местоимение *она*, а парадигма местоимения *она* (бесконечно большая) включает в себя существительное *девочка*. То же самое можно сказать и о существительных *пёс* и *животное*. Когезия возникает, когда подобные связи устанавливаются в условиях текстуальной группы.

Когда устанавливаются когезивные отношения, в расчёт берутся только возможности предложений быть признанными формально связными, как в следующем примере, который в этом пространстве нет смысла отличать от предыдущего.

(4) /1/ *Девочка позвала пса.* /2/ *Она росла на грядке рядом с морковкой.*

Единственным претендентом на роль антецедента местоимения *она* оказывается существительное *девочка*, как и в предыдущем примере. И это тот единствен-

¹ Когнитивная лингвистика: учебник для вузов / под ред. С. М. Колесниковой. М.: Юрайт, 2022. С. 33.

ный ответ на когезивный вопрос, который можно дать в этой текстуальной группе. То, что девочка не может расти на грядке рядом с морковкой, в расчёт не берётся – это вопрос не когезивных, а когерентных отношений. Подобного рода ошибки допускают, например, дети в письменных работах, а учитель, разъясняя, что здесь не так, показывает противоречие между имеющейся связностью и отсутствием непротиворечивости (консистентности) в представленных ситуациях, что, как мы покажем далее, решается в пространстве когерентных отношений.

Таким образом, когерентность ТГ (3) поддержана тем, что в ней возникает прагматическое дополнение /а/ <Девочка зовёт пса, чтобы дать ему корм>. Это прагматическое дополнение поддержано когезивными отношениями, возникшими между предложениями. Но основанием когерентности не является то, что местоимение *она* имеет антецедентом слово женского рода.

Отсутствие когерентности в ТГ (4) обусловлено тем, что мы не находим прагматического дополнения, оптимального для этой пары предложений. Предположим, что прагматическим дополнением будет предложение /б/ <Пёс пробежал по свёкле>. Поскольку оно не очевидно, оно должно быть выражено. Раз оно не выражено, мы имеем дело с неправильно построенной цепочкой предложений, не хватает когезивных связей, которые требуют выраженного антецедента анафорического местоимения. Но мы можем, при отсутствии такого предложения, придумывать бесконечно много вариантов прагматических дополнений, что и приводит к выводу о некогерентности группы.

Соответственно, группы, где когезивные связи не выстраиваются, являются несвязными. Например, несвязными могут быть группы, составленные из заголовков статей в журнале или на сайте информационного агентства.

3. Упорядоченные vs неупорядоченные ТГ.

Упорядоченной следует считать группу, внутреннее строение которой устанавли-

вает строгий порядок, т. е. номер каждого предложения мотивирован когезивными и/или когерентными отношениями внутри группы. Соответственно, иные группы следует считать неупорядоченными или частично упорядоченными, если внутри группы можно выделить отдельную группу со строгим порядком.

Сравнение трёх оснований выделения указанных типов позволяет объединить эти типы по наличию разного характера отношений между предложениями. Очевидно, ни один другой вид текстуальных категорий не имеет возможности такого объединения. При условии, что категории дихотомичны, т. е. допускают решения «да» и «нет», они позволяют образовать 8 сочетаний. Введём обозначения «п» для упорядоченности группы, «с» для связности группы, «к» для когерентности группы. Строчной буквой обозначим вариант «да», прописной – вариант «нет».

1. **пск.** Это группа представляет существование предложений в дискурсе. Они не упорядочены, у них нет когезивных связей и не выстраивается когерентность, потому что в простом наборе отсутствуют механизмы снятия противоречия (например, расположение предложений, содержащих противоречия, на временной оси, что характерно для нарратива). Пример такой группы можно увидеть в выдаче поискового запроса, где предложения располагаются в случайном порядке, или в случайно оказавшихся рядом предложениях.

(5) /1/ Йеллоустоунский – один из самых потенциально опасных вулканов на Земле.
/2/ Ровно год назад запустили МЦД-3.

Предложения взяты из разных текстов, размещённых на одном сайте. Прочитав их, человек может предположить, что они не относятся к одному тексту. Такое решение возникает потому, что предложения не имеют когезивных и когерентных связей и не выстроены в определённом порядке.

2. **Пск.** Отличие этого типа группы от предыдущей состоит в том, что имеет место намеренное упорядочение предложений. Примером может служить набор предложений в учебнике русского языка

(равно как и набор уравнений в учебнике математики).

3. **ПСК.** Данный тип группы иллюстрирует так называемый квазитекст, у которого отмечается наличие когезивных отношений, но отсутствует когерентность. Примером может служить разобранный выше вариант (4). Подробно анализ такого текста был приведён Н. Э. Энkvистом [19, с. 107–108].

4. **пСК.** Данная группа представляет собой набор предложений, подобный предыдущему, но имеющий когезивные связи. Поскольку она не имеет определённого порядка, когезивные отношения должны позволять сформировать неограниченное количество порядков, что маловероятно, поэтому существование групп такого типа возможно, скорее, гипотетически. Приведём пример.

(6) /1/ *Женя и Валя работали в огороде.* /2/ *Мальчик копал грядку.* /3/ *Девочка поливала огурцы.*

Для того, чтобы группа была когерентной, необходимо знать имена соответственно мальчика и девочки, однако их установить невозможно, так как имена собственные общего рода. Неоднозначные, но имеющиеся когезивные связи создают, как минимум, два порядка. При этом нельзя сказать, что группа построена неверно, просто она требует расширения.

5. **пСК.** Когерентные, но несвязные и неупорядоченные группы можно представить себе при сопоставлении текстов, отражающих одну и ту же ситуацию, что характерно, например, для текстов СМИ, для текстов кулинарных рецептов и под.

(7) /1/ *В «Сбере» назвали пять стоп-слов и фраз, которые используют мошенники.* /2/ *Банки начнут возвращать украденные деньги по новой схеме.*

Предложения обнаруживают тематическую общность, что позволяет им быть когерентными. Однако когезивные связи, которые позволили бы выстроить отношения именно между этими предложениями и повлиять на порядок группы, отсутствуют.

6. **пСК.** Данная группа подобна предыдущей, её можно обнаружить при сопоставлении заголовков развивающейся ситуации (например, конфликта), когда порядок задаст когерентность.

(8) /1/ *У Трампа пострадало только ухо.* /2/ *Уволен начальник охраны.*

В данной группе когерентность создаётся за счёт знания, что первое событие было результатом покушения на политика. Если это знание существует, группа обретает единственный порядок. Если его нет, группа приобретает вид *пск*. Когезивных связей между предложениями нет.

7. **ПСК.** Очевидно, что такая группа представляет собой идеальный текст, где когерентные и когезивные отношения формируют порядок предложений.

8. **пСК.** Существование такой группы, скорее всего, невозможно. Когерентные и когезивные отношения – слишком сильный инструмент создания порядка следования предложений, поэтому даже предположить, как выглядела бы группа подобного типа, сложно.

Выделив группы, обнаружим некоторые их существенные свойства.

1. По объёму: одночленные и многочленные. Одночленом будем называть группу, состоящую из двух предложений. Её выделение существенно потому, что в целом ряде случаев задачи по строгости порядка, наличию когезивных или когерентных отношений решаются именно на паре предложений. Многочленом будем называть группу, состоящую из трёх и более предложений. Очевидно, что любой многочлен может быть разделён на определённое количество одночленов.

2. По направленности контекстных отношений: сомкнутые и разомкнутые. Под контекстными отношениями мы понимаем множество характеристик предложения, приводящих к его неоднозначности и требующих разрешения неоднозначности за пределами этого предложения. Предложение, содержащее неоднозначность такого рода, называем базой контекста. Предложение, разрешающее неоднозначность базы, называем контекстом

(подробнее см. нашу статью [6]). Исходя из данных понятий, будем называть группу сомкнутой, если все контексты находятся внутри группы. Если контексты находятся вне группы, она будет называться разомкнутой. В следующих примерах группа (9) сомкнутая, а (10) разомкнутая.

(9) /1/ Анна захотела есть. /2/ Она открыла холодильник.

(10) /1/ Анна захотела есть. /2/ Пришлось звать Ивана.

Базой контекста в группе (9) является предложение /2/, где есть требование создания когезивных отношений (анафорическое местоимение *она* нуждается в antecedенте) и когерентных отношений (местоимение *она* должно иметь antecedентом существительное, способное обозначать агенс).

Базой контекста в группе (10) тоже является предложение /2/, но для создания когерентности необходимо знание, как Иван способен помочь Анне утолить голод. Поскольку внутри группы эту информацию получить невозможно, требуются другие предложения. Группа является разомкнутой. Контекстом разомкнутой группы может быть как неизвестная ситуация, так и общее знание. При этом едва ли стоит говорить о разомкнутости группы, если когерентность создаётся за счёт отнесения к ситуационному типу (например, прагматическое дополнение <еду берут в холодильнике> нецелесообразно рассматривать как контекст, размыкающий группу).

3. Закрытая текстуальная группа – такая группа, для любого предложения которой, имеющего требование контекста, расстояние до контекста не больше расстояния до первого или последнего предложения группы. По определению, первое и последнее предложения не должны иметь, соответственно, правого и левого контекстов Группы, не отвечающие этому условию, будем называть открытыми.

Закрытые группы могут быть как сомкнутыми, так и разомкнутыми. Приведём пример закрытой разомкнутой группы.

(11) *Влад Соколовский впервые после развода с Ритой Дакотой исповедался телезрителям. Певец откровенно рассказал о том периоде, когда начал изменять своей супруге, и том, какие отношения он ищет сейчас.*

Имя собственное, благодаря специфике своего значения, требует эксплицированной дескрипции, если она не составляет элемент общего знания. Если читателю неизвестно, кто такой Влад Соколовский, он нуждается в поиске такой информации. Если читателю это известно, такая информация становится основой когерентности группы. В любом случае предложение содержит некоторую семантическую неполноту, которая восполняется прагматическими средствами. Формально группа оказывается закрытой, но по содержанию является разомкнутой.

Заключение

1. Метод текстуальных групп полностью обеспечивает анализ текста «снизу», так как позволяет решать вопросы о способности предложений составлять часть текста или формировать целый текст, минуя категории автора, читателя, интенциональности и т. д.

2. Для анализа текстуальности достаточным оказывается набор из трёх категорий – порядка, когезии, когерентности. Достаточность набора следует из задач текстуального анализа.

3. Метод текстуальных групп позволяет анализировать как отдельные предложения, так и готовые тексты. При этом возможно выделение внутри текста любых наборов предложений для формирования текстуальных групп и их анализа.

Статья поступила в редакцию 26.07.2024.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барт Р. От произведения к тексту // Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика / сост. Г. К. Косикова. М.: Прогресс, 1989. С. 413–423.
2. Барт Р. *S/Z* / пер. Г. К. Косикова, В. П. Мурат. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 232 с.
3. Борисова Т. О. Текстуальность компьютерной игры как поликодового текста // Культурология, искусствознание и филология: современные взгляды и научные исследования: сборник статей по материалам LVIII международной научно-практической конференции, Москва, 11 марта 2022 г. Т. 3. М.: Интернаука, 2022. С. 49–56.
4. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: КомКнига, 2007. 144 с.
5. Глазков А. В. Ситуационность как основа когерентности текста // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2022. № 1. С. 13–24.
6. Глазков А. В. Когезия и когерентность в контекстных отношениях // Современные исследования социальных проблем. 2023. Т. 15. № 3. С. 135–154.
7. Епифанцева Н. Г., Еплов С. С. Образовательный дискурс (французский и русский языки в сопоставлении) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2022. № 6. С. 91–100.
8. Костюшкина Г. М. Теория дискурса во французской лингвистике // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2012. № 1. С. 101–107.
9. Пастухов А. Г. Категория текстуальности и её реализация в немецкоязычных медийных жанрах // Актуальные вопросы лингвистики и лингводидактики в контексте межкультурной коммуникации: сборник материалов II Всероссийской научно-практической онлайн-конференции, Орёл, 31 марта 2022 г. Орёл: Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева, 2022. С. 219–227.
10. Русская грамматика: в 2 т. Т. 2. Синтаксис / под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Наука, 1980. 709 с.
11. Сушкова А. Р. К вопросу о рассмотрении дихотомической пары текст vs дискурс через их категории // *Lingua-Universum*. 2023. № 4. С. 50–52.
12. Тарасов М. И. Лингвистическая категория текстуальности в нарративе // Известия Смоленского государственного университета. 2022. № 3(59). С. 67–79.
13. Чернявская В. Е. Когнитивная лингвистика и текст: необходимо ли новое определение текстуальности? // Вопросы когнитивной лингвистики. 2005. № 2. С. 77–83.
14. Adamzik K. *Textlinguistik: Grundlagen, Kontroversen, Perspektiven*. Berlin, Boston: De Gruyter, 2016. 423 s.
15. Beaugrande R., Dressler W. *Einführung in die Textlinguistik*. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1981. 290 s.
16. Brinker K., Cölfen H., Pappert S. *Linguistische Textanalyse. Eine Einführung in Grundbegriffe und Methoden*. Berlin: Erich Schmidt Verlag, 2018. 190 s.
17. Charolles M. *Introduction aux problèmes de la cohérence des textes* // *Langue française*. 1978. № 38. P. 7–41.
18. Dontcheva-Navratilova O., Jančaržiková R., Miššiková G., Povolná R. *Coherence and Cohesion in English Discourse*. Brno: Masarykova Univerzita, 2017. 158 p.
19. Enkvist N. E. Coherence, Pseudo-coherence, and Non-coherence // *Cohesion and Semantics. Reports on Text Linguistics*. Eran Stiftelsens for Abo Akademi Forskningsinstitut. 1978. № 41. P. 106–125.
20. Givón T. *Coherence*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Co, 2020. 293 p.
21. Halliday M. A. K, Hasan R. *Cohesion in English*. Longman, 1976. 375 p.
22. Hausendorf H., Kesselheim W., Kato H., Breitholz M. *Textkommunikation: Ein textlinguistischer Neuanatz zur Theorie und Empirie der Kommunikation mit und durch Schrift (Reihe Germanistische Linguistik, 308, Band 308)*. De Gruyter, 2017. 428 s.
23. Kehler A. *Coherence, reference, and the theory of grammar*. Stanford University: CSLI, 2002. 226 p.
24. Krause W.-D. *Textsorten – Kommunikationslinguistische und konfrontative Aspekte*. Frankfurt a. M.: Peter Lang, 2000. 224 s.
25. Pagin P. *Enrichment, coherence, and quantifier properties* // *Journal of Pragmatics*. 2019. № 154. P. 92–102.
26. Petőfi J. S. *Representation Languages and their Function in Text Interpretation*. In: *Some aspects of formal foundations in text semantics*. Universität Bielfeld: 1980. P. 73–182.
27. Seidlhofer B., Widdowson H. *Coherence in Summary: The Context of Appropriate Discourse // Coherence in Spoken and Written Discourse / eds. W. Bublitz, U. Lenk, E. Ventola*. Amsterdam: Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1999. P. 205–220.

REFERENCES

1. Bart R. *From Work to Text* (Rus. ed.: *Ot proizvedeniya k tekstu*). In: Kosikov G. K., compl. Bart R. *Izbrannye raboty: Semiotika: Poetika*. Moscow, Progress Publ., 1989, pp. 413–423).

2. Bart R. S/Z. (Rus. ed.: Kosikov G. K., Murat V. P., transl. S/Z. Moscow, Editorial URSS Publ., 2001. 232 p.).
3. Borisova T. O. [Textuality of the Computer Game as a Polycode Text]. In: *Kul'turologiya, iskusstvovedenie i filologiya: sovremennye vzglyady i nauchnye issledovaniya: sbornik statej po materialam LVIII mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Moskva, 11 marta 2022 g. T. 3* [Cultural Studies, Art Criticism and Philology: Modern Views and Scientific Research: Collection of Articles Based on the Materials of the LVIII International Scientific and Practical Conference, Moscow, March 11, 2022. Vol. 3]. Moscow, Internauka Publ., 2022, pp. 49–56.
4. Galperin I. R. *Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an Object of Linguistic Research]. Moscow, KomKniga Publ., 2007. 144 p.
5. Glazkov A. V. [Situationality as a Basis of Text Coherence]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology], 2022, no. 1, pp. 13–24.
6. Glazkov A. V. [Cohesion and Coherence in the Context Relations]. In: *Sovremennye issledovaniya social'nyh problem* [Modern Studies of Social Problems], 2023, vol. 15, iss. 3, pp. 135–154.
7. Epifantseva N. G., Eplov S. S. [Educational Discourse (French and Russian in Comparison)]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2022, no. 6, pp. 91–100.
8. Kostyushkina G. M. [The Theory of Discourse in the French Linguistics]. In: *Vestnik Buryatskogo gosuniversiteta. Filosofiya* [Bulletin of Buryat State University. Philosophy], 2012, no. 1, pp. 101–107.
9. Pastuhov A. G. [Category of Textuality and Its Realization in German Media Genres]. In: *Aktual'nye voprosy lingvistiki i lingvodidaktiki v kontekste mezhkul'turnoj kommunikacii: sbornik materialov II Vserossijskoy nauchno-prakticheskoy onlajn-konferencii, Oryol, 31 marta 2022 g.* [Current Issues in Linguistics and Lingvodidactics in the Context of Intercultural Communication: Collection of Materials from the II All-Russian Scientific and Practical Online Conference, Orel, March 31, 2022]. Oryol, Orel State University named after I. S. Turgenev Publ., 2022, pp. 219–227.
10. Shvedova N. Yu., ed. *Russkaya grammatika. T. 2. Sintaksis* [Russian Grammar. Vol. 2. Syntax]. Moscow, Nauka Publ., 1980. 709 p.
11. Sushkova A. R. [On the Issue of Considering the Dichotomous Pair Text vs. Discourse Through Their Categories]. In: *Lingua-Universum*, 2023, no. 4, pp. 50–52.
12. Tarasov M. I. [Linguistic Category of Textuality in Narrative]. In: *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Smolensk State University], 2022, no. 3 (59), pp. 67–79.
13. Cherniavskaya V. E. [Cognitive Linguistics and Text: Do We Need a New Concept of Textuality]. In: *Voprosy kognitivnoj lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], 2005, no. 2, pp. 77–83.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Глазков Алексей Владимирович – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой дискурсивных практик, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации;
e-mail: alexy.glazkow@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexey V. Glazkov – Cand. Sci. (Philological Sciences), Assoc. Prof., Head of the Department, Department of Discursive Practices, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration;
e-mail: alexy.glazkow@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Глазков А. В. Метод текстуальных групп в анализе текстuality «снизу» // Отечественная филология. 2024. № 4. С. 30–41.
DOI: 10.18384/2949-5008-2024-4-30-41

FOR CITATION

Glazkov A. V. Textual Group Method in the Bottom-Up Analysis of Textuality. In: *Russian Studies in Philology*, 2024, no. 4. pp. 30–41.
DOI: 10.18384/2949-5008-2024-4-30-41